

Анне-Кам.
Вестни
ГЮРО И ОРКЕСТР

Гюро

Анне-Катрине Вестли

Гюро и оркестр

«Азбука-Аттикус»

1981

УДК 821.113.5-3-93
ББК 84(4Нор)

Вестли А.

Гюро и оркестр / А. Вестли — «Азбука-Аттикус», 1981 — (Гюро)

ISBN 978-5-389-24204-3

Сколько всего произошло с тех пор, как мы познакомились с Гюро, Эрле, Сократом и остальными! Гюро уже так выросла, что играет в настоящем оркестре и даже ездит на гастроли! А об остальных её приключениях вы прочитаете сами.

УДК 821.113.5-3-93

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-389-24204-3

© Вестли А., 1981

© Азбука-Аттикус, 1981

Содержание

Город-спутник	8
Длинная дорога в школу	13
Репетиция оркестра	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анне-Катрине Вестли Гюро и оркестр

Anne-Cat.

Vestly GURO OG FRYDEFONI-ORKESTERET

Guro og Frydefoni-orkesteret and the following copyright notice:

Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1981

[All rights reserved.]

© Стреблова И.П., перевод на русский язык, 2017

© Бугославская Н.В., иллюстрации, 2017

© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Machaon®

* * *

Город-спутник

Тириллтопен был городом-спутником. Кое-кто из его жителей заглянул в толковый словарь посмотреть, как объясняется слово «спутник». Там было сказано, что спутник – это человек, который совершает путь вместе с кем-либо, или небесное тело, обращающееся вокруг планеты, или космический аппарат, запускаемый на орбиту с помощью ракетных устройств. Всё это не очень подходило для Тириллтопена – во-первых, он, как и главный город, стоял на месте и никого никуда не провожал, и так же, как остальные маленькие города, окружавшие главный, вроде Крокехойдена и Леркеколена, не вращался ни по какой орбите.

Люди, которые сами не жили в городах-спутниках, ещё называли их «спальными пригородами», потому что те, кто их населял, приезжали туда только поесть и поспать, работали же, как правило, в большом городе, возле которого стоял город-спутник. То есть главный город – он не спальный, а вот города-спутники – те, дескать, спальные.

Обитатели городов-спутников говорили иначе. Для них главный город был грохочущей фабрикой, где за шумом никто друг друга не слышит. А вот у нас, мол, в Тириллтопене, люди смогли договориться, чтобы своими силами построить дорогу, по которой человек мог бы ходить без риска для жизни, потому что на ней не будет машин, – договорились и построили даже без денег или почти что без денег.

Люди, населявшие Тириллтопен, почти без всякой посторонней помощи построили дорогу, которая стала называться «Живая дорога», и сами же посадили вдоль неё деревья. Все вместе они не только построили дорогу, но сделали ещё много чего другого. Они завели у себя различные кружки: спортивные и другие, чтобы вместе заниматься тем, что им было интересно. Так, например, в Тириллтопене многие увлекались музыкой, и возникло целых два духовых оркестра и три самодеятельных хора. Тириллтопен прочно стоял на земле, но мысли его обитателей отнюдь не ограничивались приземлёнными интересами, и ярким примером тому может служить появление тириллтопенского симфонического оркестра «Отрада».

Его участники называли свой оркестр отрадофоническим, а самыми младшими из его музыкантов были Гюро и Сократ. Они подросли и были уже не малышами, а завтрашними школьниками – осенью оба должны были пойти в школу. Играла в оркестре и сестра Сократа. Её звали Авророй. Аврора играла на виолончели, а их папа Эдвард играл на фортепьяно, так что из этой семьи целых три человека постоянно играли в оркестре, а иногда к ним присоединялась и мама, она ведала бубенчиками. Самая замечательная особенность этого оркестра была в том, что в нём без различия возраста могли участвовать и стар и млад. Многие очень хорошо умели играть, а некоторые только чуть-чуть. Были и такие, кто вообще ничего ещё не умел, но их всё равно принимали в оркестр. Бабушка из лесного домика играла на большом барабане. Она занималась этим уже не первый год, так что кое-чему успела научиться. А мама восьмерых детей играла на флейте, их отец – на тромбоне, дочка Марта играла на кларнете, Мадс – на трубе, а Мона на альтгорне, Милли и Мина – на корнет-а-пистоне. Мортен играл на малом барабане, но он уже давно занимался в духовом оркестре, поэтому на занятия симфонического оркестра «Отрада» он приходил нечасто. Нынешней зимой исполнялся год со дня основания «Отрады», и Мортен пришёл на репетицию с сосновыми ветками, чтобы украсить ими столы в хоровом зале маленькой школы. Эрле и Бьёрн работали в этой школе дворниками, поэтому они вместе с Гюро и Лилле-Бьёрном жили там же в отдельном домике. Сегодня они по-праздничному украсили зал для хоровых занятий. Многие жители Тириллтопена наготовили разных угощений, чтобы члены оркестра отметили свой юбилей праздничным столом.

Первым явился старичок с контрабасом. Его звали Карл. Зимой он привозил свой инструмент на саночках, а летом, если никто не мог его подвезти на машине, катил его на тачке.

Тюлинка и Андерсен тоже пришли пораньше. Затем пришли Гюро и Сократ и несколько ребят из молодежной школы, потом несколько человек взрослых, а самым последним – Оскар. Он был ужасно занятой человек, и все уже привыкли к тому, что он приходит позже всех. Он играл на скрипке и часто выполнял обязанности дирижёра.

Когда все собрались, вперёд вышел папа Сократа и Авроры и сказал:

– Здравствуйте все! Сегодня у нас большой день, мы празднуем наш первый юбилей. Кто-нибудь, наверное, скажет, что это не бог весть какой юбилей. Один год – невеликий срок. Но этот год показал нам, как крепко мы сдружились в оркестре «Отрада». Вы все прилежно ходили на репетиции, и хорошо познакомились друг с другом. А это главное! Вы ещё помните нашу первую репетицию? В тот раз мы забыли про нотные пюпитры и беспомощно сидели, разложив ноты на коленях, не зная, как дальше быть. Но дедушка Андерсен нашёл выход. Он сходил к тебе, Эрле, и вернулся с бельевыми верёвками и прищепками. Он протянул верёвки в несколько рядов поперёк зала, и к ним мы прищепками прикрепили ноты. Помните этот случай?

Все засмеялись и принялись вслух вспоминать. Так что Эдварду пришлось обождать, пока они наговорятся.

– В первый день мы затеяли одну игру, – напомнил он. – Вы, наверное, уже забыли?

– Как такое забыть! – улыбнулся Карл. – Мы придумывали разные странные звуки и исполнили, кто во что горазд, пьесу под названием «Мы в Тирилтопене живём».

– Нам было сказано играть как придётся, – сказала Гюро. – Но всё равно что-то у нас получилось.

Все снова дружно засмеялись, но Эдвард, переждав, пока они отсмеются, сказал:

– Я записал это на магнитофон и обещал, что дам вам послушать, когда мы будем праздновать наш первый юбилей.

Все замерли в ожидании. В зале наступила полная тишина, и Эдвард включил магнитофон.

Прослушав запись, все засмеялись и захлопали, и кто-то из оркестра сказал:

– Играли мы кто в лес, кто по дрова, но всё равно было здорово!

– Да, – согласился Эдвард. – Кто хочет ещё что-нибудь сказать?

– Я, – сказал Сократ. – Я ужасно проголодался.

Сократ принёс из дома пиццу, а это было его любимое угощение, и ему стало невтерпёж ждать, когда за неё можно будет приняться.

У Гюро были бутерброды с яйцом и сервелатом и какао в маленьком термосе, а в придачу ещё и бутылка лимонаду.

Бабушка напекла вафель на всю компанию, и вот все принялись под разговоры уплетать угощение. Потом поднялся Оскар, вышел вперёд и сказал:

– Я очень рад, что вы взяли меня в свой оркестр. По-моему, нам всем тут было очень хорошо. Но вот теперь кто-то из молодёжи на время покидает наши ряды. Двое уходят на военную службу, кто-то уезжает за границу учиться в университете. Аллан уже уехал. Он присылал о себе весточку, Гюро?

– Да, – сказала Гюро. – Я получила две открытки.

– Ничего не поделаешь, – сказал Оскар. – Наш состав временно уменьшился. Но сейчас я хочу рассказать вам, какая у меня с некоторых пор появилась мечта, а вы потом скажете мне, что вы об этом думаете. Давным-давно, когда я был мальчиком, я жил в норвежской глуши, в маленьком городке, который и на карте-то с трудом можно разглядеть, но для меня он так и остался самым прекрасным местом на земле. У нас было своё хозяйство, и я почти весь день проводил на воздухе. Я немножко играл на скрипке, потом пошёл в школу, и всё, казалось мне, было прекрасно. Карманных денег у нас в семье детям не полагалось: нас было много – мал мала меньше, а денег в обрез, но мы всегда были сыты, обуты и одеты и были этим

довольны. Когда я немножко подрос, то после уроков стал подрабатывать в лавке. Половину заработанных денег я отдавал маме, потому что знал, как ей трудно, а половину мог оставить себе. И вот у меня появились средства, чтобы сходить в кино. Это был такой фильм! Сейчас я вам расскажу.

Тогда уже появились звуковые фильмы. Раньше в кино просто шли движущиеся картинки и они сопровождались надписями, кто что сказал. Фильм шёл под аккомпанемент фортепьяно. Потом появилось звуковое кино. Сначала звук был совсем плохонький, но постепенно он стал улучшаться, хотя до теперешнего качества ему, конечно, было ещё далеко. И вот однажды я пошёл в кино на фильм о Франце Шуберте. Кто-нибудь из вас слышал о нём и о его жизни? Вам конечно же знакомы некоторые его музыкальные произведения. «Аве Мария», и «Серенада», и какие-то из множества его песен и фортепьянных пьес. Об этом я могу рассказать вам как-нибудь в другой раз. А в этом фильме говорилось о его тяжёлой жизни и о том, как трудно ему приходилось до самой смерти. Заканчивался же фильм его симфонией, которая называется «Неоконченная», то есть он умер, так и не успев её дописать. Она исполнялась в фильме, и тогда я впервые в жизни по-настоящему услышал музыку. У нас дома не было ни радио, ни граммофона, поэтому прошло несколько лет, прежде чем мне снова довелось её услышать. Приехав в город, я услышал эту симфонию в концерте. Я не был старшим сыном в семье, и хозяйство должно было перейти не ко мне. Как вам известно, я работаю в магазине, но всю жизнь меня сопровождала скрипка, и она изменила мою жизнь. Я не могу представить себе жизни без музыки. И вот я подумал, как было бы хорошо, если бы мы в нашем тириллтопенском оркестре «Отрада» исполнили бы «Неоконченную симфонию»! Трудность состоит в том, что нас слишком мало, и в связи с этим я и хотел вас спросить, не возражаете ли вы, чтобы к нам присоединился кто-то из жителей Нордердалена, Крокехойдена и Леркеколена, чтобы ко Дню города в Тириллтопене, до которого осталось несколько месяцев, мы с вами успели приготовить это произведение? Мы все тут давно знакомы. Вы не будете недовольны, если мы возьмём в свой состав несколько человек, которых мы ещё не знаем?

Сперва наступило молчание. Потом кто-то нерешительно проговорил:

– Нам тут так хорошо в своей компании. А кто же знает, какими окажутся новички?

Другие возражали:

– Давайте сделаем, как сказал Оскар.

– Мне эта идея кажется отличной, – сказал Эдвард. – Вот мы и покажем всем, кто называет наши города «спальными», как дружно умеют работать люди, которые здесь живут. Даже если мы будем играть в сборном оркестре, никто не помешает нам встречаться в другое время в своём привычном составе и играть то, что мы сами выберем.

– В большом оркестре мы, которые играем только на банках с горохом, наверно, останемся не у дел, – сказала Тюлинька. – Но мы ведь можем помогать вам в чём-то ещё, что требуется.

– Конечно! – поддержал её Эдвард. – А Гюро и Сократ могут остаться в оркестре, или они для этого малы?

– Разумеется, они останутся, – сказал Оскар. – Нам всем придётся очень много поработать, чтобы разучить свои партии. А добиться того, что задумано, – что может быть увлекательнее?

– И сколько же, по-твоему, человек будет в большом оркестре? – спросил Эдвард.

– От шестидесяти до семидесяти, – с гордостью ответил Оскар, – включая несколько новеньких из Тириллтопена.

– Ого сколько! – воскликнула Тюлинька. – Столько народу здесь не поместится, или им придётся сидеть друг у друга на головах.

– Вы совершенно правы, – согласился Оскар. – Но я на всякий случай спрашивал директора старшей школы. Он сказал, что мы можем репетировать у них. Там же будет проходить и концерт, потому что у них в школе есть актовый зал.

– А что такое актовый зал? – шёпотом спросила Гюро.

– Это очень большой зал для общих собраний, – ответил Оскар. – Скажите, Эрле и Бьёрн, вы могли бы выдать мне сейчас школьный проигрыватель?

– Вот он, в шкафу, – сказал Бьёрн. – Пожалуйста, берите!

Оскар запустил руку в свой мешок и вынул оттуда большой плоский предмет, завернутый в бумагу. Когда он развернул её, все увидели, что это пластинка.

– Сейчас вы познакомитесь с «Неоконченной симфонией», – объявил он.

И вот они с ней познакомились, насколько это возможно с первого раза. И если ты, мой читатель, тоже хочешь немножко с ней познакомиться, то попроси, чтобы тебе подарили её на день рождения, или внимательно послушай, когда её будут передавать по радио. Если кто-нибудь войдёт и начнёт отвлекать тебя разговорами, ты только скажи:

– Тише! Играют «Неоконченную симфонию» Шуберта.

Длинная дорога в школу

Гюро некогда было целый день думать о скрипке и тирилттопенском оркестре «Отрада», ведь она теперь стала школьницей и отучилась осень и зиму, а теперь уже наступала весна, так что вон сколько прошло с тех пор месяцев! Она выучилась немножко читать, и это было очень здорово, потому что, оставаясь дома одна, она, когда ей не хотелось играть на скрипке, могла вместо этого почитать. Если она не была занята чтением, то играла во дворе. Она познакомилась со многими детьми из своего класса, а кроме того, у неё было много старых друзей. Сократ, и Эллен-Андреа, и малыш Ларс из корпуса «Ю». Эллен-Андреа – это девочка, которая вечно рассказывала всякие невероятные истории. Иногда в её рассказах встречались выдумки, но Гюро, Сократ и Ларс договорились с ней, чтобы она подавала им знак мизинчиком, когда будет выдумывать. Гюро уже так хорошо узнала Эллен-Андреа, что почти всегда точно угадывала, где правда, а где выдумки.

Дома у Гюро установился такой распорядок, при котором они с Эрле вставали очень рано и с утра уходили в лес на прогулку, а Бьёрн и Лилле-Бьёрн не любили сразу вскакивать, им требовалось некоторое время, чтобы по-настоящему проснуться. Бьёрн готовил завтрак, а Лилле-Бьёрн так любил поспать, что утром его нужно было чуть ли не силой поднимать. Однажды Эрле и Бьёрн, как ни старались, не могли его добудиться, и удалось это только Гюро, она придумала хитрый способ. Зайдя к нему, она не пыталась потрясти его за плечо, а только присаживалась рядом с ним на кровать, говорила что-нибудь неожиданное и пела песенку. Обыкновенно так убаюкивают малышей, а Лилле-Бьёрн под песенки, наоборот, просыпался.

– Ты можешь сказать – «Неоконченная симфония»? – спросила Гюрö. – Самое начало напеть очень трудно, но я всё же попробую: дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм-дм, а дальше я уже хорошо знаю: да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да-да.

Тут уж Лилле-Бьёрн окончательно проснулся и сказал:

— Я же не буду играть в этом вашем оркестре.

– Играть не будешь, а послушать-то можешь.

— Конечно, послушаю, когда вы сыграете её на День города!

Потом они шли завтракать, а после завтрака Лилле-Бьёрн садился повторять заданные уроки, потому что он всё время боялся, что чего-то не доучил. Гюро уходила упражняться на скрипке, и после этого у неё ещё оставалась куча свободного времени, потому что в школу ей было только ко второму уроку и дома она оставалась одна: Лилле-Бьёрн был в школе, Эрле дежурила в школьном ларьке, а Бьёрн чинил что-нибудь в одном из классов.

Весь класс завидовал Гюро, что ей так близко ходить в школу – так близко, что это вообще, можно сказать, не считается. Она могла выходить из дома, когда прозвенит звонок на урок. Гюро иногда даже жалела, что ей не надо далеко ходить, ведь гораздо интереснее прибежать в последнюю минуту, запыхавшись и с раскрасневшимися щеками, и радоваться, что вовремя успела. А как весело идти в школу большой компанией, всю дорогу у вас разговоры. Вот когда можно всласть обо всём наговориться! А не зайти ли сейчас за Эллен-Андреа или за Сократом, чтобы идти в школу вместе с ними? Нет! Лучше выбрать дорогу подлиннее, вокруг Тириллтопена, как будто она живёт далеко-далеко, но не в лесу – в лесу живёт Мортен, – а где-нибудь за центром, откуда ей ближе было бы в другую тириллтопенскую школу, а она бы ходила в эту!

И Гюро отправилась в путь. Рюкзачок у неё был не такой уж тяжёлый, но всё-таки в нём лежали три книжки и пенал, так что всё, как и должно быть у настоящей школьницы. Она шла и шла. По дороге ей навстречу попадались дети, которые направлялись в её школу. Они были старше Гюро, поэтому она была с ними не очень хорошо знакома, но видела их раньше, и они

её тоже. Они были заняты разговорами и проходили мимо, не замечая Гюро. Это было хорошо, потому что иначе они бы спросили, почему это она идёт не в ту сторону.

Дойдя до центра, Гюро пошла дальше. Теперь до её школы стало по-настоящему далеко. Она огляделась вокруг, выбирая дом, где она как будто живёт. Ей приглянулся коричневый дом с белыми углами. Может быть, этот? Пускай будет он. Из дома вышли две большие девочки, но это не имело значения: ведь Гюро выбрала его только понарошке. Девочки тоже, наверное, шли в школу. Гюро выждала, когда они немного пройдут, и пошла следом за ними. Девочки разговаривали во весь голос и смеялись, и говорили они о тирилтопенском оркестре «Отрада»:

– Оскар спросил меня, не хочу ли я в нём играть, – рассказывала одна. – Он сказал, им нужен гобой и кларнет. Один кларнет у них есть, но там кто-то то ли уезжает, то ли поступает в университет, в общем, что-то такое. А ты пойдёшь к ним?

– Наверное, да, – сказала другая девочка. – Интересно же попробовать себя в другой музыке. А кроме того, у них, говорят, очень здорово. Так чудно, знаешь, взрослые, старые люди и совсем детишки – все вместе!

– Ага. Вот и я о том же, – сказала первая. – Не знаю, как у меня получится, потому что я и без того занята в духовом оркестре и хожу на гимнастику, но что-нибудь придумаю. Хорошо, что они будут репетировать в нашей школе, а не в той новой, у леса. Туда было бы ещё дальше ходить, а тут всё-таки всё знакомое.

– Ага, – сказала первая.

Они повернули за угол к своей школе – той большой, в которой Гюро не училась.

Вот где, значит, будет заниматься оркестр, когда станет большим! А не попробовать ли поиграть, как будто она там и учится, и заодно немножко познакомиться с местом, куда она будет ходить на репетиции! Заходить туда она не станет, а только подойдёт поближе, посмотрит снаружи и пойдёт обратно. Но в школу толпами шли ученики, и когда Гюро приблизилась

к воротам, её подхватило потоком учеников, которые спешили на уроки. Повернуть обратно никак не получалось. Пришлось двигаться по течению. До начала уроков, наверное, оставалось уже немного времени, потому что дети подходили со всех сторон. Гюро пришлось довольно долго дожидаться, прежде чем она смогла повернуть назад так, чтобы её не затолкали обратно. Наконец это удалось, и тут уж пришлось поторапливаться. Она слишком долго проходила по городу, и в её школе тоже вот-вот должны были начаться занятия.

Хорошо, что она так здорово бегала! Больше всего ей нравилось бегать летом по зелёной травке, а сейчас у неё за спиной висел школьный рюкзак, и он трясся и хлопал её по спине при каждом шаге. Рядом на тротуаре было много народу, тут не больно-то разбежишься. Проносясь мимо корпуса «Ц», она увидела впереди Сократа. Он шагал быстро, а потом и вовсе припустил рысью. Значит, и он тоже опаздывает. Сократ бежал, не подозревая, что его догоняет Гюро.

На школьный двор они влетели почти что одновременно, и тут зазвенел звонок. Гюро и Сократ кинулись за другими ребятами и вошли в класс.

Учительница была уже на месте. Она посмотрела на Гюро и сказала:

– Да ты сегодня совсем запыхалась, Гюро! Я всегда говорила, что жить близко иногда бывает опасно. Человеку кажется, что ему не нужно рано вставать, а потом вдруг оказывается, что он ничего не успел и всюду опаздывает. Ты хоть немножко успела поесть?

– Да, – сказала Гюро.

Она не стала говорить, что встала очень рано и что они с мамой выходили на прогулку, а потом спокойно позавтракали, что она успела поупражняться на скрипке, хотя и меньше, чем обычно, но это только потому, что она придумала такую игру, как будто ей далеко идти от дома до школы. Да и захоти она всё это рассказать, вряд ли бы ей это удалось, потому что все в классе заговорили, перебивая друг друга. Все принялись рассказывать, сколько они чего съели на завтрак, и кто во сколько встал, и что он делал вчера, и много чего ещё, кому что вздумалось, и каждый торопился выложить всё поскорее. Но Гюро не стало обидно оттого, что она ничего не сказала, зато у неё теперь был секрет! Никто не знал, что с ней было на самом деле, а у неё так и горели щёки от быстрого бега, и свежего воздуха, и только что пережитого приключения.

Затем начался урок чтения, и ни о чём другом Гюро уже не могла думать, ей стало не до посторонних мыслей.

К концу урока она отдышалась и снова набралась сил. Она побегала по двору с Эллен-Андреа и другими девочками из своего класса, а потом они попрыгали через скакалочку, а ещё надо было и поговорить. За всеми этими занятиями Гюро не забывала поглядывать в сторону Сократа. Она так привыкла за ним присматривать, что делала это уже не задумываясь. Сократ и Ларс стояли вдвоём в углу двора отдельно от всех. Сперва к ним никто не подходил и, значит, можно было не беспокоиться, поэтому Гюро продолжала носиться с девочками, но когда она в следующий раз к ним обернулась, то увидела, что вокруг них собралось много мальчиков. Может быть, они просто подошли посмотреть, может быть, во что-то играли, но тут Гюро посмотрела на лицо Сократа и поняла, что он испугался.

– Пошли, – сказала она Эллен-Андреа. – Надо выручать Сократа, но перед остальными нельзя показывать вида, что мы пришли ему на выручку. Не могла бы ты что-нибудь такое придумать, чтобы ребята ни о чём не догадались?

Эллен-Андреа была большая мастерица на всякие выдумки. Они побежали к мальчикам, и Гюро увидела, что один из них начал бороться с Сократом. От нетерпения Гюро не могла спокойно стоять на месте и даже подпрыгивала. Ей так и хотелось подбежать к ним и предложить этому мальчику, чтобы он лучше поборолся с ней, но тогда ребята засмеют Сократа, будут дразнить его, что за ним ходит нянька, что он дружит с девочками, поэтому так делать было нельзя.

- А ну-ка, ребята! Погоняем мяч? – крикнула Гюро, чтобы отвлечь мальчиков.
– Только, чур, без Сократа, – отозвался один. – А то он все мячи пропускает.

Но этот мальчик только наблюдал за борьбой со стороны, а тот, который боролся, даже ухом не повёл. Попробовал вмешаться Ларс, но на него тут же налетел другой мальчик. Теперь выручать уже надо было двоих. Гюро посмотрела на Эллен-Андреа. Та стояла, задрав голову и глядя на небо. Она делала вид, что увидела там большую птицу, чтобы все, глядя на неё, тоже заинтересовались и стали туда смотреть. Но никто, кроме Гюро, не обратил внимания на то, что там высматривает Эллен-Андреа. Гюро посмотрела разок на небо, но мотнула головой и перестала. Выдумка была не слишком удачная. Кажется, Эллен-Андреа и сама это поняла и неожиданно позвала:

– Ларс и Сократ!

Она повторила это несколько раз, с каждым разом всё громче, и наконец все заинтересовались, зачем она их зовёт.

– Ларс и Сократ! Вас немедленно вызывают в кабинет зубного врача! – строго объявила Эллен-Андреа.

– Иду! – отозвался Сократ с такой радостью, какой, наверное, никто ещё не видывал у человека, вызванного в зубной кабинет.

Мальчик, который с ним дрался, отпустил его со словами:

– Теперь я точно знаю, что я сильнее тебя.

– Да ты и так это знал, – сказал Сократ. – Мы же не раз мерялись силами.

– А вдруг ты ничего не сказал, а сам дома тренировался, а потом, глядь, ты уже сильнее меня.

– Да нет!

Вместе с Ларсом он стремглав помчался через двор и вошёл в здание, где находился зубной кабинет.

Мальчики немного отряхнулись от пыли, поднялись по лестнице на второй этаж и постучались в приёмную. Там перед кабинетом уже ждали своей очереди большая девочка и очень большой мальчик. Они читали газеты и только мельком взглянули на Сократа и Ларса. Оба снова погрузились в чтение и перестали замечать мальчиков, зато на них обратила внимание вышедшая из кабинета сестра, которая помогала доктору.

– Ой, что-то вас тут много собралось, – сказала она. – Дайте-ка мне свериться с журналом! Это Эльза. Ты уже бывала у нас не один раз, так что я тебя знаю. Да, тебе назначено на сегодня. Тут всё правильно. Дальше идёт мальчик, которого зовут Эрик. Это ты. Правильно, – сказала она, кивнув мальчику. – Ты пойдёшь после Эльзы. А больше у меня никого не записано. Как тебя зовут?

– Сократ, – ответил Сократ. – А это Ларс.

– Меня зовут Ларс, – сказал Ларс.

– Вы ведь из первого класса, да? – спросила сестра.

– Да, – подтвердил Сократ.

– Так вам сюда ещё только через несколько недель. Но я дам вам с собой памятку. Там написано, как надо чистить зубы. Вам заранее скажут, когда вам приходиться к доктору. Вы согласны?

– Да, – сказал Сократ. – И даже очень!

На этом они с Ларсом снова ушли, а тут как раз зазвенел звонок к началу следующего урока. Так вышло, что у них не осталось времени выйти во двор и не осталось времени драться.

Ларс и Сократ вернулись в класс и показали всем хорошенькие листочки, которые им дали в зубном кабинете. Учительница сказала:

– На этом уроке мы будем делать рисунок про школу. Можете рисовать то, что сами выберете, можно про школьный двор, про классную комнату или ещё что-нибудь, что захотите.

Гюро немножко подумала и выбрала зал для пения, и нарисовала не только зал. Нет, она стала рисовать весь тирилтопенский оркестр «Отрада», как он играет на своих инструментах. Притом выбрала она тот день, когда они оказались без нотных пюпитров, потому что на её рисунке поперёк зала были протянуты верёвочки, а на них висели прикреплённые на прищепки ноты. И нарисовать это было гораздо легче, чем если бы стояли пюпитры. Рисунок получался большой, и Гюро пришлось над ним порядком потрудиться.

Сократ нарисовал приёмную перед кабинетом зубного врача, а Ларс – школьный двор с дерущимися мальчиками. Эллен-Андреа нарисовала гигантскую птицу, которая летала над школьным двором. Птица была воображаемая, Эллен-Андреа притворилась, что видит её, когда пыталась отвлечь от драки мальчиков. Тогда эти старания пропали даром. Но вот она её нарисовала, и птица стала взаправдашней.

В первом классе уроков было не очень много, и на сегодня занятия кончились. Эллен-Андреа побежала к папе и маме, которые были в это время на работе, и, хотя в приёмные часы там было полно народу, она всегда бежала туда после уроков, чтобы рассказать родителям обо всём, что сегодня происходило в школе. Потом, когда удавалось ненадолго вырваться, они все вместе обедали, а затем Эллен-Андреа обычно уходила к Гюро, но сегодня не пошла, сегодня ей нужно было съездить в город, чтобы купить новые башмаки.

Гюро пришла из школы, и они с Эрле и Бьёрном сели обедать. Сегодня Гюро была очень голодна. И немудрено, после такого утра!

Ларс и Сократ возвращались из школы вдвоём.

– Хорошо, что нас вызвали к зубному врачу, а потом сказали, что сейчас нам ещё рано, а нужно будет только через несколько недель, и листочки дали, – сказал Сократ.

– Да, – кивнул Ларс. – Только мы с тобой кое о чём забыли.

– А что мы забыли?

– Забыли посмотреть на мизинчик Эллен-Андреа, когда она говорила, чтобы мы шли к доктору, – сказал Ларс. – И теперь мы не знаем, правду она говорила или выдумывала.

– Ладно, – сказал Сократ. – Теперь уже поздно спрашивать. Но в следующий раз, когда она будет что-нибудь говорить, мы посмотрим на её мизинец.

– В следующий раз посмотрим, – обрадовался Ларс.

Репетиция оркестра

Сегодня день у Гюро складывался не очень удачно. Дело было в том, что её учитель Аллан уехал. Он получил какую-то штуку, которая называется «стипендия». Аллан объяснил, что стипендия – это деньги, на них он теперь может поехать за границу, чтобы продолжить образование и ещё лучше научиться играть на скрипке. Он наказал Гюро повторять гаммы и работать над третьей позицией, а это было неудобно и трудно, потому что её пальцы уже привыкли находить нужные ноты в нижней части скрипки. Это называлось первой позицией. Указательный палец считался первым, средний – вторым, безымянный – третьим, а Петька-мизинчик четвёртым. У большого же пальца не было никакого номера, он должен был располагаться на грифе, немножко выдаваясь за край, и поглядывать на другие пальцы – правильно ли они лежат на струнах. А теперь Гюро приходится заново находить правильные ноты, а без Аллана это было нелегко, но Гюро старалась как могла.

Раньше она просто играла в своё удовольствие пьесы, которые у неё уже были разучены, а тут её ждали новые ноты – «Неоконченная» Шуберта, – а они были очень трудные – какое уж тут удовольствие!

Это было до того трудно, что Гюро разозлилась на ноты и на скрипку и даже сказала маме, что вообще не хочет больше играть. Сократу и его папе она тоже так и сказала, и тогда Эдвард попросил Оскара:

– Помоги, пожалуйста, Гюро, а то как бы она вообще всё не бросила.

И тогда Оскар пришёл и сказал:

– Давай, Гюро, начнём спокойно и постепенно. Будем брать каждый раз небольшой кусочек. Первые ноты нужно брать во второй позиции.

– Чего? – испугалась Гюро.

Она слыхала про первую и третью позицию, а про вторую вообще ничего не знала.

– Просто переставь пальцы на один лад выше, и тогда ты сможешь взять все эти ноты на струне соль, – сказал Оскар и показал ей, как это нужно делать.

Гюро попробовала и увидела, что так легче. Мысленно она говорила себе, что берёт все эти ноты на струне дедушки Андерсена.

– Может быть, я всё-таки пойду их играть, – сказала она наконец.

– Вот и хорошо, – сказал Оскар. – Вот тебе ещё ноты, эта пьеса очень весёлая и живая. Думаю, она тебе тоже понравится. Присмотрись к ней понемножку и поупражняйся, а в среду приходи на репетицию. Ты же придёшь, да? Наверное, ты можешь пойти с Сократом, Авророй и Эдвардом. Сократ просто молодец. Сначала Эдвард читает ему, какие написаны ноты, и тогда он их играет. Репетировать будет страшно интересно! И я обещаю, что буду тебе помогать. Я буду заходить к вам, как только выдастся свободное время, и мы будем с тобой заниматься. Не забудь – репетиция в среду! Ты же знаешь, где находится эта школа?

– Знаю, – сказала Гюро. – Но в ней я ещё никогда не бывала.

Гюро обрадовалась, что можно пойти на репетицию вместе с Сократом, Авророй и Эдвардом, потому что других провожатых у неё не было. Тюлинька и Андерсен на несколько дней уехали из города, да и вообще не собирались ходить на занятия большого оркестра. В среду там должно было появиться много незнакомых для Гюро людей. Поэтому она заранее немножко волновалась, хотя и не так, чтобы уж очень, ведь в оркестре она будет сидеть рядом с Сократом. И это было хорошо: если она сыграет что-то не так или запутается в нотах и не будет знать, до какого места они дошли, Сократ не будет делать ей замечания, потому что он слишком занят тем, как бы самому не ошибиться, и ему не до того, чтобы следить за другими.

Наступила среда. Незадолго до того, как Гюро надо было идти на репетицию, Эрле сказала:

– Слушай, Гюро. Сегодня мы уходим на собрание землячества и берём с собой Лилле-Бьёрна. Он ведь не играет с вами в большом оркестре, и ему не нужно ходить на репетиции.

– А вы уже придёте, когда я вернусь? – спросила Гюро.

– Может быть, задержимся подольше, но ненадолго. Лилле-Бьёрну завтра в школу и надо рано вставать. У тебя ведь есть ключ? Ты хочешь надеть для репетиции новый джемпер?

– Не буду я наряжаться на репетицию, – сказала Гюро.

– Зачем наряжаться, – согласилась Эрле. – Но на этом джемпере уже есть пятна, так что я на твоём месте надела бы другой.

– Угу, – сказала Гюро, чтобы не говорить ни «да» ни «нет».

Она хотела сама решить, что ей надевать. Эрле, наверное, догадалась об этом и не стала больше уговаривать. Она ушла в ванную мыться и переменяла одежду: сняла дворницкий комбинезон и оделась в юбку и блузку. Бьёрн ещё раз побрился, хотя уже брился утром, а Лилле-Бьёрн остался в чём был, потому что на нём и так был чистый свитер.

– Смотри не забывай посматривать на часы, Гюро, а то опоздаешь на репетицию. Во сколько ты обещала встретиться с Сократом?

– В четверть седьмого. Я могу, если захочу, ещё полчаса позаниматься на скрипке.

– Ну пока, не скучай! – сказали папа, мама и Лилле-Бьёрн и ушли. Гюро немножко поупражнялась, потом почистила скрипку, натерла смычок канифолью, уложила скрипку со смычком в футляр и поднялась вверх в гостиную. В доме, кроме неё, никого не было, но за окном был ясный день. Гюро посмотрела на свой джемпер и сказала:

– Да, пожалуй, надо сменить, хотя у меня просто репетиция.

До выхода оставалось ещё пять минут. Она решила выйти в десять минут седьмого, потому что тогда она ровно в четверть седьмого будет у дома, в котором живёт Сократ. Дойти туда можно было за пять минут. Но, когда она надела чистый джемпер, зазвонил телефон. Она подошла и сказала, как Тюлинка:

– Квартира дворника. Я слушаю.

– Алло, Гюро, – раздался голос из трубки. – Это говорит Эдвард. Понимаешь ли, у нас тут случились неполадки с Аврориной виолончелью, и мы все поехали в город её чинить, заодно прихватили с собой и скрипку Сократа. Ему нужно было поменять одну струну. Потом мы решили пообедать в городе и вот опаздываем, так что я решил, что нам нужно ехать в школу, не заходя домой. Мы поедем на электричке, потому что у Мари деловая встреча в городе и она забрала машину. Так что мы не сможем тебя проводить, а встретимся в школе. Ты ведь знаешь, где находится эта школа. Придётся тебе идти с кем-то другим.

– Ага, – сказала Гюро.

– Встретимся в школе, – повторил Эдвард. – Не забудь взять с собой ноты.

– Хорошо.

Она немного расстроилась. Не то чтобы она боялась одна ходить по Тириллтопену. Дорога была ей знакома, и на улице было светло. Так что это было не страшно, но она побаивалась заходить в незнакомую школу, да и не знала, где там этот самый актовый зал. Впрочем, не одна же она идёт на репетицию, она посмотрит, куда идут другие, и пойдёт за ними следом. Если бы знать заранее, она договорилась бы встретиться с Мартой из лесного дома, но сейчас они, наверное, уже ушли. Гюро торопливо натянула куртку, взяла скрипку и ноты, вышла из дома и заперла за собой дверь.

Весна только-только началась, но на школьном дворе снег уже сошёл, и несколько ребят играли в футбол. Гюро посмотрела, как они играют, и тут вдруг один издали послал мяч в её сторону, мяч подкатил ей почти что под ноги. Гюро отложила скрипку и ноты, побежала за мячом и послала его обратно, потому что она любила гонять мяч.

- Молодец, Гюро! – крикнул ей кто-то из ребят. – Хочешь тоже поиграть?
– Мне некогда. У меня репетиция.
– Ну, ещё хотя бы разочек! – сказал мальчик и послал ей мяч.

Как тут было не сделать ещё удар! Но больше уж она не могла играть, надо было идти. Она снова взяла скрипку и ноты и пошла по тротуару. На руках у неё были варежки, потому что к вечеру становилось зябко. Левой рукой она под рукавицей всё время перебирала пальцами, вспоминая начальные ноты «Неоконченной». При этом она тихонько напевала мелодию, а пальцы в варежке знай себе шевелились. В правой руке она несла скрипку, и та при каждом шаге качалась в такт «Неоконченной».

В ожидании предстоящего Гюро была как натянутая струна. Сейчас, главным образом, потому, что ей было интересно посмотреть, как там будет. Но чем ближе она подходила к воротам незнакомой школы, тем больше её интерес сменялся волнением, ей было страшно и одиноко, потому что вокруг не видно было ни одного человека, который шёл бы с музыкальным инструментом. Неужели она слишком задержалась и теперь опоздает!

Куда же ей идти? Перед Гюро были четыре двери, а она не знала, где у них здесь актёрский зал! Но вдруг до неё донеслись какие-то звуки. Она остановилась и стала разглядывать окна. И тут наконец-то подошли другие участники – большие ребята с такими же скрипичными футлярами, как у неё. Она пойдёт за ними! Но ребята, оказывается, тоже не знали, где тут что.

– Привет! – сказал один из них. – Ты не знаешь, куда тут идти, чтобы попасть в актёрский зал?

Гюро помотала головой и показала на все четыре двери сразу.

– Это понятно, что где-то здесь, – сказал другой мальчик. – Мы и сами уже слышим. Давайте посмотрим, какая дверь туда ведёт.

В конце концов нашлась незапертая дверь, они в неё вошли и очутились в коридоре, потом спустились вниз по ступенькам. За ними оказалась приоткрытая дверь. Гюро увидела перед собой большущий зал. Переступая вслед за мальчиками через порог, она услышала, как один из них говорит другому:

– Неужели эта малышка тоже пришла в оркестр? Детский сад тут у них, что ли?

– Тут вообще кого только нет, – отозвался другой. – Взрослые попеременно с детишками. Оскар же нам так и сказал.

Войдя в зал, Гюро увидела разложенные повсюду футляры от скрипок, одежду и инструменты. Многие уже играли что-то, каждый сам по себе. Сначала она не увидела никого знакомого, а потом нашла Марту и её маму, не видно было только Сократа. Гюро достала скрипку. Отойдя в уголок, она стала подтягивать смычок, потом попыталась проверить, хорошо ли настроена скрипка, но это трудно было расслышать среди общего шума, где каждый выводил что-то своё. Некоторые играли ужас как хорошо. Они быстро и громко проигрывали гаммы вверх и вниз и, кажется, нисколько не боялись, что их кто-то услышит.

Наконец пришли Сократ, Аврора и Эдвард.

– Извините, что мы опоздали, – сказал Эдвард. – Наша электричка останавливалась в пути, но с грехом пополам мы всё-таки успели.

Оскар хлопотал на сцене. Сначала он вместе с теми, кто вызвался помогать, расставил нотные пюпитры.

– А теперь мы рассядемся, как надо, – сказал он, – и тогда увидим, так ли всё получилось, как мы рассчитывали. Первые скрипки садятся впереди с этой стороны, вторые – с той.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.